

ВИКЕНТИЙ ВЕРЕСАЕВ

Спутники Пушкина

Семья Раевских

•

В ссылке

ПАЛЬМИРА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос-Рус)5
В31

Вересаев В.

В31 Спутники Пушкина : Семья Раевских. В ссылке / Викентий Вересаев. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2020. — 203 с. — (Серия «Воспоминания о писателях»).

ISBN 978-5-517-02151-9

Плод многолетнего труда В. В. Вересаева, книга «Спутники Пушкина» открыла в свое время в русской литературе новый жанр — хронику характеристик и мнений. В этой книге нет трактовки событий из жизни А. С. Пушкина и описания ее с помощью художественных средств, автор «монтирует» исторические факты в уникальный ряд портретов современников поэта, историю его времени, быта и нравов эпохи. В этот сборник вошли портреты семьи Раевских, деревенских знакомых А. С. Пушкина, тех, кто его окружал в Кишиневе, в Одессе и в Каменке, и многих других.

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос-Рус)5

ISBN 978-5-517-02151-9

© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии», 2020

Семья Раевских

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ РАЕВСКИЙ-СТАРШИЙ (1771–1829)

Известный боевой генерал эпохи наполеоновских войн. Особенно знаменит был подвигом, совершенным при деревне Салтановке или Дашковке в июле 1812 г. С десятичным отрядом он сдерживал напор сорокатысячной армии маршала Мортье, пока Багратион не соединился с Барклаем-де-Толли под Смоленском. Когда во время боя войска заколебались, он взял за руки двух своих сыновей — 16-летнего Александра и 11-летнего Николая, — крикнул солдатам: «Вперед, ребята, за царя и за отечество! Я и дети мои, коих приношу в жертву, откроем вам путь!» — пошел на неприятеля и увлек за собой солдат. Этот подвиг Раевского приобрел в то время огромную популярность, он изображался на лубочных картинках, Раевского сравнивали с древним римлянином, а Жуковский воспел его в своем «Певце во стане русских воинов»:

Раевский, слава наших дней,
Хвала! Перед рядами
Он первый грудь против мечей
С отважными сынами!

Однако в некрологе Раевского, составленном очень близким ему лицом, зятем его М. Ф. Орловым, о подвиге этом не упоминается, а поэт Батюшков, бывший в 1813 г. адъютантом при Раевском, передает следующий его рассказ:

— Из меня сделали римлянина, из Милорадовича — великого человека, из Витгенштейна — спасителя отечества, из Кутузова — Фабия.

Я не римлянин, но зато и эти господа — не великие птицы... Про меня сказали, что я под Дашковкой принес на жертву детей моих. Превозносили за то, чего я не сделал, а за истинные мои заслуги хвалили Милорадовича и Остермана. Вот слава, вот плоды трудов!

— Но помилуйте, ваше высокопревосходительство, не вы ли, взяв за руки детей ваших и знамя, пошли на мост, повторяя: «Вперед, ребята, я и дети мои откроем вам путь к славе» или что-то тому подобное?

Раевский засмеялся:

— Я так никогда не говорю витиевато, ты сам знаешь. Правда, я был впереди. Солдаты пятились, я ободрял их. Со мной были адъютанты, ординарцы. По левую сторону всех перебило и переранило, на мне остановилась картечь. Но детей моих не было в эту минуту. Младший сын собирал в лесу ягоды (он был тогда сущий ребенок, и пуля ему прострелила панталоны), вот и все тут, весь анекдот сочинен в Петербурге. Жуковский воспел в стихах, граверы, журналисты, нувеллисты воспользовались удобным случаем, и я пожалован римлянином. *Et voilà comme on écrit l'histoire!*

Рассказ этот хорошо характеризует Раевского и показывает, что был он совсем из другого материала, чем паскевичи и дибичи, усиленно приписывавшие себе никогда не совершенные подвиги. Тот же Батюшков рассказывает про Раевского: «В опасности он истинный герой, он прелестен. Глаза его разгорятся, как угли, и благородная осанка его поистине сделается величественною». Наполеон говорил, что Раевский создан из материала, из которого делаются маршалы. Был он скромнен и горд. Император Александр хотел возвести его в графское достоинство; Раевский, по семейному преданию, ответил знаменитым девизом Роганов: «Царем быть не могу, герцогом быть пренебрегаю, я — Роган». Его самостоятельность и глубокая порядочность сделали для него невозможную карьеру в той атмосфере, где блестящие карьеры создавали себе Аракчеев, Чернышев, Паскевич. В скромной сравнительно роли командира корпуса Раевский пробыл до самой отставки в 1824 г. «Он был насмешлив и желчен, — вспоминает Пушкин. — Один из наших генералов, не пользующийся блистательной славой, в 1812 г. взял несколько пушек, брошенных неприятелем, и выпросил себе за то награждение. Встретясь с генералом Раевским и боясь его шуток, чтобы их предупредить, он бросился

было его обнимать. Раевский отступил и сказал с улыбкою: «Кажется, ваше превосходительство принимает меня за пушку без прикрытия!» Раевский говорил об одном майоре, жившем у него в управителях, что он был заслуженный офицер, оставленный за отличия с «мундиром без штанов».

В семье своей Раевский был деспотичен и умел настоять на своем. Дочь его, Мария Волконская, вспоминает, как рожала в первый раз в имении своего отца: «Роды у меня были очень тяжелые, без повивальной бабки (она приехала только на другой день). Отец настаивал, чтобы я сидела в кресле, а мать, как более опытная в этих делах, приказывала мне лечь в постель, — и вот они спорят, а я мучаюсь. Наконец воля мужчины, как всегда, одержала верх. Меня посадили в большое кресло, где я перенесла жестокие муки без всякой медицинской помощи».

В январе 1826 г. Раевский был назначен членом государственного совета в моральное возмещение за арест обоих его сыновей, оказавшихся непричастными к Тайному обществу. Последние годы жизни Н. Н. Раевского были очень печальны. Одна из его дочерей, Мария, в ужаснейших условиях жила в Сибири близ тюрьмы каторжника-мужа, Екатерина томилась в деревенской глуши с исключенным из службы мужем, М. Ф. Орловым, Елена увядала в чахотке и уже не имела шансов выйти замуж. Софье тоже предстояло «остаться в девках»; старший сын Александр проискамы Воронцова сослан был в Полтаву. Имущественные дела самого Н. Н. Раевского были расстроены. Радовал только младший сын Николай, отличавшийся в кавказских войнах и получавший одну боевую награду за другой. Отец писал ему: «Ты, мой друг, утешение нашего семейства, коего, как тебе известно, положение довольно грустно во всех отношениях. Мое положение таковое, что я и в деревне чем жить весьма умеренно едва-едва имею и вперед лутчего не вижу, словом, все покрыто самой черной краской... Я креплюсь духом, мой друг. Благодарю Бога, он дал мне еще силы переносить обстоятельства, а не задумался б ни на минуту, когда б дело шло обо мне одном, это видит Бог, — но будущность сестер и всех вас мне тягостна».

Пушкин был знаком с Н. Н. Раевским еще в Петербурге до ссылки, видимо, был близко принят в его доме; летом 1819 г., по его поручению, с сыном его Николаем был в Царском Селе у Жуковского, не

застал дома и в стихотворной записке извещал его: «Тебя зовет на чашку чая Раевский, слава наших дней». С Раевским и его семьей Пушкин поехал из Екатеринослава на Кавказ, жил при нем на Кавказе и потом три недели в Гурзуфе. О гурзуфском житье он писал брату: «Мой друг, счастливейшие минуты жизни провел я посреди семейства почтенного Раевского. Я не видел в нем героя, славу русского войска, я в нем любил человека с ясным умом, с простой, прекрасной душой; снисходительного, попечительного друга, всегда милого, ласкового хозяина. Свидетель екатерининского века, памятник двенадцатого года, человек без предрассудков, с сильным характером и чувствительный, он невольно привяжет к себе всякого, кто только достоин понимать и ценить его высокие качества». Пушкин впоследствии встречался еще с Раевским в Каменке, имении его матери, по второму мужу Давыдовой. После смерти его Пушкин по просьбе вдовы хлопотал перед Бенкендорфом об увеличении ей пенсии. «Уже то, что она с этим обратилась ко мне, — писал он, — свидетельствует, до какой степени у нее мало друзей, надежд и путей. Половина семьи в ссылке, другая — накануне полного разорения. Доходов едва хватает на уплату процентов громадного долга...»

СОФЬЯ АЛЕКСЕЕВНА РАЕВСКАЯ (1769–1844)

Жена генерала Н. Н. Раевского. Отец ее, А. А. Константинов, был библиотекарем Екатерины II, родом грек. Мать — единственная дочь знаменитого М. В. Ломоносова. Софья Алексеевна была брюнетка, с большими черными глазами и лебединой шеей. Черты лица носили резко выраженный южный характер. Благоговение перед мужем и преданность ему владели всем ее существом; несмотря на многочисленное свое семейство, она до последних дней своих оставалась более супругой, нежели матерью. Ее правнук, князь С. М. Волконский, характеризует ее так: сухая, мелочная женщина, неуравновешенная и нервная, в которой темперамент брал верх над разумом. Она всю жизнь не могла простить дочери, Марии Волконской, что та последовала за мужем в Сибирь. В поступке ее мать видела только семейное осложнение, неудобное для всех, вредное для положения отца и для

карьеры братьев. В 1829 г. она писала дочери в Сибирь: «...ты говоришь в письмах к сестрам, что я как будто умерла по отношению к тебе. А чья вина? Твоего обожаемого мужа... Немного добродетели нужно было, чтобы не жениться, когда человек принадлежал к этому проклятому заговору. Не отвечай мне, я тебе приказываю». После смерти мужа Софья Алексеевна долго жила в Италии и там же умерла.

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ РАЕВСКИЙ (1795 – 1868)

Есть такие люди — умные, насмешливые, с разъедающей логикой, глубочайшие скептики и циники, которым нравится отрицать и разрушать, ничего взамен не созидая, которые с наслаждением все живое разлагают на составные части, глядя со смехом, как от него отлетает жизнь. Для этих людей нет ничего «признанного». Любовь к женщине? О Боже мой! Вздохи, восторг души, готовность весь мир вместить в своей груди, —

Verschwunden ganz der Erdensohn,
Und dann die hohe Intuition —
Ich darf nicht sagen wie zu schliessen.

(совсем исчез сын земли, а потом все это высокое упоение, — неприличный жест, — закончить, не смею сказать как!) (Мефистофель). Женщина с загадочным взглядом сфинкса? «Ты проштудируй-ка анатомию глаза: откуда тут взяться загадочному взгляду?» (Базаров). Мать? Что такое мать? Мокрая квартира, в которой человек принужден жить девять месяцев. Свобода? Подвиг? Благо человечества? Смысл жизни? На все у такого человека есть уничтожающие возражения, полные убедительнейшей логики. На молодость эта логика действует неотразимо. И может быть, очень для нее даже полезна. Хорошему, ищущему юноше такие люди необходимы как этап, который должна преодолеть юная наивность и бессознательная вера, чтоб перейти к сознательному творчеству высших ценностей. Для Гёте подобным человеком был Мефистофель-Мерк, для Пушкина — Александр Раевский.

Александр Николаевич Раевский был старший сын генерала Н. Н. Раевского. Блестяще кончил курс в московском университетском

Благородном пансионе, служил в лейб-гвардии егерском полку, участвовал в наполеоновских войнах, был в целом ряде сражений, по вступлении русских войск во Францию состоял адъютантом при графе М. С. Воронцове. В 1819 г. был отправлен на Кавказ с прикомандированием к кавказскому отдельному корпусу и лечился на минеральных водах; у него была какая-то болезнь ног — не то рана, не то, по словам генерала Ермолова, — «горькие плоды сладостнейших воспоминаний». Здесь, на минеральных водах, с Раевским познакомился Пушкин, которого семья Раевских захватила с собой из Екатеринослава на Кавказ; здесь началось то исключительное, демоническое влияние Раевского на Пушкина, которое тянулось несколько лет и с силой которого не может сравниться влияние ни Чаадаева, ни кого-либо другого из самых умных и даровитых друзей Пушкина. До высылки своей из Одессы Пушкин встречался с Ал. Раевским в Кишиневе, в Каменке, особенно часто — в Одессе. Высокий, костлявый, с маленькой головой и темным морщинистым лицом; очень длинный разрез рта с извилистой линией тонких, насмешливых губ; и маленькие изжелта-карие глаза, светящиеся сквозь стекла очков никогда не потухающих едкой насмешкой. Пушкин не мог выносить взгляда этих глаз: его тянул к себе сладкий яд бесед и споров с Раевским, но чтобы чувствовать себя при этом свободно, он тушил в комнате свечи, и они разговаривали в темноте. Ум Раевского подавлял Пушкина, как мальчика, и вселял к себе благоговейное уважение. «А. Раевский будет более, нежели известен», — писал Пушкин брату. И был убежден, что Раевскому «предназначено, может быть, управлять ходом весьма важных событий». О чем же шли беседы? Пушкин вспоминает в «Демоне»:

Печальны были наши встречи:
Его улыбка, чудный взгляд,
Его язвительные речи
Вливали в душу холодный яд.
Неистощимой клеветой
Он Провиденье искушал;
Он звал прекрасное мечтою;
Он вдохновенье презирал;
Не верил он любви, свободе,
На жизнь насмешливо глядел, —
И ничего во всей природе
Благословить он не хотел.